

神戸市外国語大学 学術情報リポジトリ

ОБРАЗ ЯПОНИИ В РОССИИ XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2003-12-25 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: エルマコーワ, リュドミーラ, Ermakova, Lyudmila, Ермакова, Людмца メールアドレス: 所属:
URL	https://kobe-cufs.repo.nii.ac.jp/records/847

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 3.0 International License.

ОБРАЗ ЯПОНИИ В РОССИИ XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

Л.М. Ермакова

Обычно считается, что до непосредственного знакомства России и Японии было крайне мало источников, где можно было бы почерпнуть сведения о Японии, и все они были скудны и давали неверное представление о предмете. Говоря о письменных источниках на русском языке, повествующих о Японии и ее культуре, исследователи обычно основываются на материалах XIX, иногда XVIII века как самых ранних. Однако, как оказалось, описания Японии и японцев в русской культуре имеют гораздо более давнюю историю, и, вполне возможно, не только Петр Первый, но и Алексей Михайлович, а перед ним и Михаил Феодорович знали и интересовались восточными соседями России гораздо больше, чем можно предположить.

Ранее нам уже доводилось подробно писать о этом самом первоначальном периоде, когда известия о Японии только начали появляться в России в кругу старописьменных памятников — это были описания, составленные на основе западных космографий¹.

С началом XVIII века и с подъемом гражданской печати в России в петровское время известия и рассказы о далеких Японских островах вступают в новый этап существования. Только начав разыскания, убеждаешься, к своему удивлению, что за сто с лишним лет - с начала XVIII века до середины XIX - публикаций, связанных с Японией, было в России довольно много; многие из них еще предстоит открыть, но и обнаруженные нами издания в совокупности своей насчитывают многие сотни страниц. А начиная со времен Мэйдзи, их число и вовсе начинает расти в геометрической прогрессии²

Разумеется, все они, в большинстве своем, основаны на трудах западно-

европейских авторов позднего средневековья. Однако это обстоятельство несколько не означает второстепенности этих текстов в российской истории. Переводы как таковые во многих (если не во всех случаях), как нам уже доводилось писать, занимают в культуре место, не менее значимое, чем оригинальные произведения; культурные движения очень часто находят выражение «не в оригинальных произведениях, а в подборе переводов»³, и переведенный текст или компиляция становятся органичной частью местной литературы или науки. Во всяком случае, переводы, естественно, прежде других разновидностей литературной деятельности формируют представление о той или иной далекой культуре.

Принято считать, что одно из первых упоминаний о Японии в российской печати раннего типографского исполнения встречается в атласе Варениуса 1718 г.⁴, однако нам удалось обнаружить чуть более раннее - в книге 1710 г. «География или краткое земного круга описание», где «острова Японския» названы в числе других, расположенных «на восток же по океану великому», наряду с островами Ява, Келебес (Целебес), Луконн (Рюкю) и др.⁵

Затем о Японии говорится и в атласе Б.Варениуса 1718 г. (Бернарда Варения Всеобщая география, пересмотренная Исаком Невтоном и дополненная Яковом Журейном⁶). Здесь дано краткое описание Японии, географически же Япония названа в числе инсул великих, то есть девяти больших островов, наряду с такими островами, как «Британия, Исландия, Канаденская, Новая Земля (вероятно, Америка), Калифорния» и др.⁷. Кроме того, речь о Японии идет в этой книге и в Главе 21, Предлог 17, «О ветрах в особенности, и о непогодах», где рассказывается о таком явлении природы, как тифоны (тайфуны): «между Хиною и Япониею многие бури от новомесячия иуля до 12 дня месяца того ж»⁸. Здесь же упоминается широта (без долготы), на которой расположен город «Меак Японский», то есть Мияко, современный Киото — кстати, Москва тоже дана одной только широтой. (Трудно удержаться, чтобы не привести здесь замечательный термин, встречающийся в этой Географии, пусть он и не имеет никакого отношения к Японии, это слово «истиодромия» - «ход корабля» - похоже, впоследствии это слово исчезло из обихода, а жаль).

Подобные краткие записи в атласах, как нам представляется, были если не

первыми, то одними из первых упоминаний Японии в истории гражданской печати России. Следующее издание, по-видимому, непосредственно следующее за этими атласами, - знаменитое «Описание о Японе» Карона, Шарльвуа и Гагенара⁹. Раньше, в рукописных книгах XVII века, Япония представляла как страна, где процветают христианские миссии, и веротерпимость служит основой гражданского мира, здесь же вставал образ Японии — жестокой гонительницы христианской веры. Помимо истории христиан в Японии там же сообщалось много разных других сведений о Японии, почерпнутых, в основном, из писаний Франсуа Карона и Генрика Гагенара, состоявших при голландских торговых миссиях в Японии.

Эта книга, по-видимому, долгое время была основным источником сведений о Японии: она весьма обширна и подробна и содержала информацию из самых разных областей жизни Японии. Здесь мы процитируем лишь наиболее, на наш взгляд, интересные фрагменты.

Примечательно само начало книги, из которого явствует, что очертания Японских островов по тем временам составляли загадку для Европы и вполне допускалось, что часть Японии, подобно Корее, была полуостровом: «Нынешние географы чинили описание о Японе по тем приметам, которые они из некоторых известий бывших там купецких людей взяли, и понеже не много таких купцов находится, которые бы в географии были искусны и в своих путешествиях о чем другом помышляли, как токмо о прибытках, которые они от своего купечества получить могут, то и учиненные от них о том описания суть весьма сомнительны. Древние же географы потому не имели о том совершенного знания, то такожде по примерам, которым они уверялися, что остров Ябадзин, о котором сказует Птолемей¹⁰, есть оной, его же ныне нарицают островом Нифон, о нем же я подлиннее уведомился по сказкам многих особ, которые имели сие путешествие, что империя Японская ныне обретается сочинена из многих островов, из которых некия могут и не острова, но полуострова. И особливо же, иже сочиняют часть земли Иессо [Эдзо, современный остров Хоккайдо — Л.Е.], которыхя обитатели суть подданники и данники японянам, обаче [однако] же навклир (пилот) голландской, который обрел берег для познаний, есть ли оный брег земля острова того, или он брег есть кряж Корейския земли? неведомыя и до сих

дней, до коих мест распространяется позади Хины [Китая], даже до внутренней Татарии» (с.1-2).

Из этой книги русские читатели XVIII века уже могли узнать о существовании японских вулканов, в том числе знаменитой горы Фудзи, «на острове Нифон имеется гора, мещущая из себя пламень огненный, яко и гора Этна в Сицилии».

В книге рассказывается также, что император японский живет в городе Иедзо, «того ради, зане во оном воздухе благорастворенный зной же не есть тако великий» и что его палаты покрыты «золотыми бляхами» (рассказ, напоминающий писания Марко Поло об изобилии золота в Японии).

При этом под императором явно имеется в виду сёгун, имевший реальную военно-политическую и административную власть в Японии поднего средневековья. Император как таковой, который в этих текстах именуется Дайри, при этом оставался в своем дворце в городе, в те времена именуемом в русских текстах Меак; Меако и т.п. (от *мияко* — «столица», современный Киото). О этом говорится так: «в столице имеет свое жительство Великий Дайри», и «вскоре по его венчании не подобает ему являтися сиянию лунному, також и обрезать ногти ножницами и брить главу» (с.5). Там же приводится объяснение этим обыкновениям: нельзя показываться при лунном свете, потому что император — сын Солнца, а стричь ногти и волосы — святотатство. От себя добавим, что это означало бы символическую порчу и посягательство на священную особу императора. Далее сказано: «никогда не отнято было ему никакое излишество плоти: не стрижено ему было ни волос, ни бороды, ни ногтей, а что либо ни ел, было в новых горшках. Имел он при себе 12 жен, которых с великими брал за себя обрядами» (с.24).

Из любопытных подробностей скажем также, что каждые семь лет, как рассказывается в книге, сёгун посылает императору в Киото «своего из первейших князей с кошницею исполненной земли» в подтверждение того, что японские земли принадлежат императору по праву наследства. Сам же сёгун должен каждые три года посещать императора в старой столице, причем ему при этом подносится чаша вина, которую после этого разбивают, что, как говорится в книге, является «знаком его порабощения».

О религии же сообщается (и этот фрагмент очень напоминает старые

“Космографии”, рассказывающие о Никанском царстве) следующее: «Японцы суть идолопоклонники, а наипаче поклоняются солнцу, но хотя они имеют бесчисленное множество капищ и идолов, обаче [однако] же сей народ невесма прилеплен к своему суеверию, токмо един император [видимо, сёгун Тоётоми Хидэёси — Л.Е.] жесток против протчих вер, и [японцы] едва изъезжают из своего государства [куда-либо] кроме в Хину и Иессо, и весма недавно яко император учинил запрещения жестокия всем своим подданным имети никакого купечества с иностранными кроме хинцов [китайцев] и голландцов. <...> Обаче [однако] повествуют, что в 1585 году некий господа из сих островов внов обращены в веру христианскую, посылали своих детей в Рим для признания Папы Григория 13 и для их обучения и возвратившаяся в Гою¹¹ в лета 1587 и восприяты были во свою землю с великою радостью» (с. 8-9).

В этой цитате излагается краткая история пришествия христианских миссионеров в Японию, а затем запрет на христианство, наложенный Тоётоми Хидэёси. Этот сёгун закрыл Японию для внешних сношений, насыпав для скудной торговли с Голландией искусственный остров недалеко от Нагасаки, чтобы чужеземцы не ступали на японскую землю. Японцам запрещалось также под страхом смертной казни покидать территорию страны и как бы то ни было сношаться с иностранцами.

Чрезвычайно выразительно в книге описывается обычай харакири — «за малую досаду, которую получают, ежели они не могут того часа отмстити, то убиваются между собою распоротием чревес своих крюками». Отмечается также, что харакири совершается и во время кончины своих господ, или когда возводится дворец — «понеже они имеют такое суеверие, и верят, что сии жертвы нужны для утверждения строения».

В книге приводятся и разного рода остросюжетные мелодраматические истории, напомиающие жанр *отоги-дзоси* и повествующие о разных примечательных событиях, семейных отношениях, кровавых драмах отношений и пр.

Здесь же дается обширная информация о верованиях и культуре японцев. Вот, например, описание праздника о-Бон: «праздник умерших почти так же отправляется, как и родительская суббота, который праздник называется *бом*

<...> Всяк для такового дела имеет свой чин особой и свой пагод, потом друшке после друшки все рядом идут около некоего места, которое как бы кладбище или голубец, накрыт какою-либо парчею из шерсти <...> стихиры поют, и умерших службу отправляют» (с.104). Вообще, в целом, как сообщается в книге; у японцев есть «12 законов», то есть религий, 11 из которых, видимо, представляют собой различные буддийские школы, поскольку о них говорится, что «их попы» не едят мясо животных.

«Второй на десять» (двенадцатый) закон, вероятно, имеет отношение к верованиям в так называемых богов Неба-Земли — то есть к верованиям, которые принято называть синтоизмом. Об этом законе рассказывается, что его священнослужители могут есть «всякое животное, что есть на воде и на земли», иметь жен, и называют тот закон Икко или Икка (?). «Никогда я не слышал, чтобы когда был какой спор между японцы о символе веры» (с.109), -удивляется автор. Для него важно также, что японцам неведомо учение о конце света, что для многих японцев человек «духа бессмертна не имеет», хотя некоторые из них веруют, что душа опять на свет придет и будет жить в радости или печали, как кто заслужит.

Особое внимание уделено языку и способу записи — отмечается, что «языки у хинцов, японцов, корейцов и тонкинцов» так различны, что эти народы не понимают слов друг друга. Писание же приказов и указов есть «дар и искусство заключать пространный смысл в малых строках». Отмечается, что в Японии имеется много «книгохранилищ» (книжных собраний) и что император и весь двор его и жены тоже сочиняют книги.

Вообще религия, образование и культура японцев описаны с вниманием и уважением, подчеркивается «великое расположение к наукам», общая доброжелательность японцев, и это несмотря на то, что в целом книга посвящена жестоким расправам с японскими христианами и миссионерами, казням и гонениям.

Следующая объемная и исторически важная книга принадлежит немцу, ставшему, как многие иностранные специалисты того времени, видным российским ученым, — Ивану (Иоганну) Рейхелю¹², профессору Московского Университета. Рейхель Иоганн Готфрид (?-1778), профессор всеобщей истории, прибыл в Москву в 1757 г. из Лейпцига по приглашению акад. Г.Ф.

Миллера. Он читал в Московском университете немецкий язык и литературу, потом всеобщую историю и статистику современных европейских государств, был автором многих книг, написав, в том числе, «Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния, некоторых знатнейших европейских государств» (Москва, 1775 год; переведена с латинского языка иеромонахом Аполлосом). Уже после его смерти его ученик Михаил Падерин издал в своем переводе его лекции по истории, под заглавием: «История о знатнейших европейских государствах»

Из речей его на латинском и немецком языках переведены на русский язык: «Слово о том, что науки и художества процветают защищением и покровительством владеющих особ и великих людей в государстве» (Москва, 1762; перевод будущего писателя Д.И. Фонвизина, тогда студента Московского университета), «О наилучших способах к умножению подданных» (1766), «Речь об искусствах древних» (1770), «Цветущее состояние и слава России, от геройских добродетелей ее Самодержицы происходящие» (1772) и «Слово о способе, каким древние возбуждали в гражданах любовь» (1775).

Тем более примечательно, что этот знаток «состояния некоторых знатнейших европейских государств» счел нужным написать объемную книгу о Японии — «Краткую историю о японском государстве»¹³. Она была издана в 1773 г. и перепечатана в 1778 под заглавием: «История о японском государстве».

Книга была написана для российского читателя также на языке науки того времени — то есть на латыни, а затем переведена на русский.

С точки зрения авторитетного Рейхеля, Япония была отыскана португальцами в середине XVI века, раньше о ней ничего не было известно. На японском языке, пишет он, исторические книги в Европе редки, даже в королевской библиотеке в Париже есть всего лишь одна японская летопись. «Славный Слоан богаче» (Слоан — знаменитый английский натуралист и коллекционер, чье собрание легло в основу Британского Музея) и располагает многими японскими историческими книгами и ландкартами, — «но кто может сии драгоценные вещи читать и разуместь?»

Разуместь по-японски, в самом деле, тогда по-видимому, мало кто мог,

хотя указ о первой (первой в мире, кстати говоря) школе японского языка Петр издал еще в 1702 г.

(Историки сообщают, например, об одной курьезной истории, связанной с пониманием японского языка в России. У берегов Камчатки в 1742 г. потерпело крушение очередное японское судно, и документы с него были отосланы в Петербург, в Сенат. Там разобраться не смогли, отправили в министерство иностранных дел, то есть в соответствующую Коллегию. В Коллегии в конце концов составили справку, которая до сих пор хранится в архиве. В справке говорится: «В Коллегии Иностранных дел выше-объявленные присланные при указе из Правительствующего Сената на японском языке письма объявлены были китайцу Федору Джоге, который, посмотря их, сказал, что их перевести он, Джога, не может». В результате письма снова вернулись в Сенат непрочитанными. Однако надо было выполнить указ императрицы Елизаветы Петровны о переводе этих документов, и Сенат отправляет их почти обратно — на восток, в Сибирскую губернскую канцелярию. Там бумаги снова были подвергнуты тщательному изучению, и по прошествии пяти месяцев из Тобольска был отправлен рапорт в столицу: что полученные бумаги на японском языке показаны здешнему муфтию, но последний, «посмотря те письма, сказал, что знает-де он языки и грамоту татарскую, арапскую, персицкую, а объявленные письма на каком языке написаны, он не знает»¹⁴).

Сам Рейхель ощущает незнание японского языка как большой изъян своей работы и приносит извинения за возможные ошибки в транскрипции японских слов, впрочем, возлагая вину за это на самих японцев, закрывших страну для внешних сношений: «но естли мы прегрешили, то пускай! японец на нас за это негодовать не будет; ибо мы не можем к ним дойти и лучше научиться».

Рейхель сетует на то, что русские, рассуждая о Японии, в отсутствие собственных специалистов «должны полагаться на чужестранных писателей». Однако не все чужестранцы вызывают у него сомнения, а главным образом те самые Карон и Шарльвуа, написавшие вышеназванные «Описания о Японе». Они, считает Рейхель, «разгласили в Европе разные ложные сведения о Японии» - для своей корысти, из упрямства или желая другим вредить¹⁵.

«Надежнейшим писателем» Рейхель полагает Э.Кемпфера, как человека ученого, кроме того, имеющего личный опыт. Энгельберт Кемпфер был немецкий врач и ботаник; он совершил длительное путешествие в Азию, работая при Голландской Ост-Индской Компании. В 1690-1692 гг. он жил на искусственно насыпанном острове Дэсима недалеко от Нагасаки вместе с остальными членами голландской миссии (причем ему пришлось выдавать себя за голландца, поскольку никаким другим иностранцам пребывать в Японии не разрешалось). Один раз он даже совершил поездку в Эдо к сёгуну. Много из привезенного в Европу Кемпфером¹⁶ после его смерти попало к сэру Хансу Слоану и впоследствии стало достоянием Британского Музея.

Несмотря на пиетет к имени Кемпфера, Рейхель в то же время провозглашает: «в сей краткой Японского государства истории мы никакому писателю слепо не следовали, мы испытывали, избирали, и по ненависти или мщению писанное старательно от справедливого и бесстрастного различали». В самом деле, даже заслуживающий доверия Кемпфер не раз подвергается критике просвещенного историка.

Изложение Рейхеля критично не только по отношению к предшественникам, порой и по отношению к объекту исследования оно бывает выдержано в иронических тонах. Довольно точно излагая содержание мифов из летописного свода «Кодзики», Рейхель рассказывает о семи поколениях богов, называя их имена — Идзанаги-Идзанами, Амагэрасу и т.д. (хотя применяемая им транскрипция и в самом деле в настоящее время выглядит диковинной). При этом с явной насмешкой он пишет: «японцы думают, что они произошли от самих богов и сотворены при самом первом приведении в порядок всемирного хаоса». Японскую историю древности он делит на три периода, различая время «баснословное, неизвестное и историческое». «Из этих летописей усмотреть можно, как основательна и справедлива история сего государства»¹⁷, — так иронизирует над японцами этот российский европеец эпохи Просвещения. С его точки зрения, «чтобы не оставить весьма много пустого места в своей Истории, японские летописатели наполнили оное Египетской и Китайской Историями, и внесли имена Китайских императоров».

При этом все три периода по японским летописям средневековья изложены подробно и добросовестно, приведены и позднесредневековые

легенды и поверья.

В частности, рассказывается, что в древности японцы имели собственную азбуку *коммон*, но заменили ее на китайскую. «Выговор его [японского языка] гораздо мужественнее китайского, и имеет многосложные, а часто и весьма долгие слова. [Яп. яз.] правилен, красив, изобилен... на нем можно говорить о высоких и низких вещах приятно и важно»¹⁸ — примечательная фраза, чем-то напоминающая даже известное рассуждение М.В. Ломоносова о русском языке. Рейхель рассказывает также об основном мифе императорского дома — идее непрерывности правления династии с 660 г. до Р.Х., а также о существовании трех религий — Ксинто, Будзо и секты Сиуто, которую содержат их философы и моралисты и которую пристойнее назвать можно безбожием; она сходствует с сектою ученых китайцев»¹⁹.

Отдельное место посвящено «наукам и художествам», которым учат и юношество — это живопись, музыка, стихотворство и красноречие, «и всем сим исчисленным наукам не токмо отроков, но и девиц обучают с великим старанием. Последним служит то к особой чести, есть ли в уединении, в котором по тамошним обычаям жить должны, бывают неспраздны, но при своих рукоделиях упражняются также и в вещах, к очищению вкуса и просвещению разума служащих».

Рейхель, ссылаясь на свидетельства миссионеров, особо отмечает красноречие буддийских монахов, вызывающих потоки слез у слушающих. В его книге, по-видимому, впервые в русской печатной культуре, рассказано о «театральной поэзии» японцев, насчитывающей великое множество театральных сочинений, подразделяющихся на трагедии и комедии; впервые называется антология «Факу-нин-исиу», то есть «Хякунин иссю», включившая по одному стихотворению от «ста пиит». Приведем цитату, характеризующую японскую классическую литературу в целом: «В древние времена японцы к стихотворцам имели чрезвычайное почтение; потому что оные в молодых и старых людей вперяли хорошие мысли и самое нравоучение делали приятным, и как бы оживляли. Чистота и правдивость японского языка также приписывается пиитам, и японцы думают, что от приведение в совершенство поэзии и прозаические писатели много успели и учинились способности писать обо всех родах известной в Японии учености»²⁰.

Благодаря книге Рейхеля российский читатель может уточнить свое представление о японской письменности от данного в первых Космографиях («Азбука у них никакого нет») до: «Японцы, так же, как и китайцы, пишут столбиками сверху вниз и правой руки к левой. <...> они любят чистое и хорошее письмо, почему и приобучают к этому детей своих с великим старанием, дабы оные с малых лет привыкли писать не только читко, но и скоро. <...> Оба народа [японский и китайский] печатают резными досками, а не так, как европейцы, движимыми буквами. Японские доски вырезаны чище, чернила и бумага их лучше, да и вся связь в буквах искуснее и приятнее китайской. Такое различие признают знатоки и в живописи обоих народов».

Всю эту обширную по объему и аналитическую по характеру книгу И.Рейхеля было бы трудно отреферировать в кратких рамках настоящей статьи, в ней приведены подробные сведения о географии Японии, административном делении — древнем и современном автору; родниках, минеральных ключах и источниках («наилучшую выгоду от которых имеют жрецы японских идолов»), основных производствах и ремеслах, нравах и обычаях, рассуждения историософского и сравнительно-исторического характера и многое другое.

В заключительной части книги Рейхель, в частности, пишет: «Наилучшие описатели путешествий почитают японцев за таких людей, которые перед всеми азийскими народами к наукам и художествам имеют преимущественную природную способность». Но, и отдавая должное достоинствам японцев, Рейхель не сомневается в том, что до прихода европейцев японцы были «погружены в невежество».

Далее хронологически следует ряд интересных источников, из которых назовем переводную книгу 1784 г. «О состоянии Азии и новейших временах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последнее время»²¹. Здесь также имеется древняя японская история, затем описываются эпизоды, связанные с христианскими миссионерами — торжество их дела в Японии, а затем изгнание и гонения — и все самым подробным и пространном образом.

В Заключении этой книги, как и предыдущей, также повествуется о «преимуществах нынешней Европы перед Азией». Более того, утверждается, что составление и чтение «азиатической истории» может служить только как средство упражнения в науках, а в принципе она [история Азии] не нужна,

поскольку «европейская вмещает в себе все роды наставления, почему и можно не знать без сожаления того, что до нас не много касается»²². Однако невольно возникает чувство, что этот европо-и христианоцентризм во второй половине XVIII века имеет довольно широкие рамки, куда может вместиться много постороннего.

Японцы, по мнению этого неизвестного аббата, «горды, храбры, неуклонны и зверонравны, - даже до того, что почти за забаву почитают самоубийство»²³. Но при всем этом автор провозглашает сходство между японцами и европейцами даже в области религии, имея в виду, по-видимому, японский буддизм: «сходствие многих законных обрядов в Японии с нашими, как-то: степени духовенства, некоторый род канонизации или внесения в число святых, ходы, отшельничества, труждения и строгости монастырския, лампы и местные свечи, храмы, род четок, по коим молятся, колокол, в который звонят в известные часы на молитву и пр., и что кажется чрезвычайно, употребление там знака креста, который изображают наподобие креста или крыжа святого Андрея»²⁴. Найденные им общие черты коренятся, по его мнению, в «естестве человеческого разума», которое производит это сходство «понятия и обычаев, особливо до богослужения касающихся. Но где можно обрести, как не во христианской вере, сие высшее понятие о человеческом существе?» С точки зрения автора, ни в Японии, ни в Китае никогда бы не свирепствовали против христиан, если бы к сему не подали повода раздоры, заговоры и корыстолюбивые намерения, примешавшиеся к святой истине Евангелия.

После этой книги в журналах и альманахах выходят очередные многочисленные и подробные известия о Японии и ее описания по западным источникам: таково, например, издание «Япония» в еженедельнике «Лекарство от скуки и забот»²⁵ за 1787 г. Как полагается изданию, адресованному широкой публике, исполнено оно доходчивым и простым языком: «Китаец миролюбив, разумен, скромн, хитр и скуп; Японец склонен к войне, угрюм, честолюбив, ветрен, недоверчив и роскошен». Или: «музыка их неприятна, но таковой же считают они и нашу», «к новостям весьма охотны, и у приезжающих обыкновенно спрашивают вестей, что у вас нового?» Эти цитаты забавны, однако там же в обилии содержатся и достоверные сведения

об обычаях, платье, верованиях, искусствах японцев.

Параллельно с этим печатаются и краткие сведения о Японии в отчетах о путешествиях — например, рассказ о стране Жи Бынь основателя российской синологии Алексея Леонтьева: «...состоит в трех островах, городов в ней 587 <...> Письмо и книги в королевстве сем употребляют Китайские, закон держат идолаторский, нет в нем воров и разбойников, люди охотники до драк и сражений, не боятся смерти. Родится у них золото, серебро, ентарь, тумпас [топаз — Л.Е.], ртуть, железо. Делают тонкие шелковые материи и выбойку»²⁶.

Продолжались и переводы дневников путешественников, которые хотя и не могли побывать в закрытой Японии, но ловили и фиксировали малейшие сведения о ней, например: «Всех японских товаров продажа в Китае запрещена; и по сей причине не вывозятся оные в Россию с караванами, разве что по особливому какому случаю. Небольшое число японских товаров, которые входят тайно в Китай, весьма там тщательно сыскиваются, и от самих китайцев покупаются за дорогую цену. Наилушие лакированные вещи, как-то, например, кабинеты, стулья (?-Л.Е.), столы, коробочки и другие сим подобные мелочи, также и самый лучший фарфор привозят из Японии, а сие тогда бывает, когда император пошлет кого за государственными делами, то и поручается такому от князей и вельмож государственных купить им там то и то»²⁷.

В конце XVIII века в Европе появляются новые сочинения о Японии, вскоре их переводы, компиляции и пересказы появляются в России. Это, в основном, труды европейских ученых, проведших в Японии несколько лет, речь идет, прежде всего, о ботанике и медике Карле Тунберге, работавшем врачом при голландской миссии в Нагасаки в 1775-1776 гг.

Вообще сведения о внешнем мире в России в этот период становятся все богаче, а тематика изданий от сенсационных публикаций вроде статьи «О употреблении некоторых кушаний у чужестранных народов, от которых мы омерзение имеем»²⁸ или «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов; и при том нечто для холостых и женатых»²⁹ все чаще сдвигается в сторону серьезных, почти научных сведений.

Например, в журнале «Новые ежемесячные сочинения» за ноябрь 1787 г.

уже помещены «Подлинные известия о Японцах, читанные в Королевской Шведской Академии г. Тунбергом, профессором ботаники и врачебной науки в Упсале», перевел Василий Зуев. Это вполне содержательная компиляция по части краткой истории и географии страны, здесь даже приводится разница во времени между Японией и Стокгольмом — восемь часов. Главное внимание, однако, также уделяется быту, нравам, манерам, и из этого сочинения российский читатель мог узнать о японцах, например, такое: «природное им свойство есть, что они разумны, предусмотрительны, вольны, учтивы, приветливы, любопытны, трудолюбивы, переимчивы, бережливы, трезвы, работны, чистоплотны, правдивы, искренни, честны, верны, подозревающи, суеверны, непримиримы, непреодолимы» (с.33). Подробно приводятся здесь описания причесок и выражаемые ими социальные отличия, праздничных и будничных одежд, женских украшений, скромность которых удостоивается похвалы — «суетное щегольство не вперило еще в них вкуса носить в ушах серьги».

Важное место занимают описания того тяжелого и кропотливого труда, которого требует сельское хозяйство в горных районах Японии, способы возделывания земель, удобрения с собиранием человеческих экскрементов и т.п. Описываются также диковины — собственно, во многом те же, что составляют и нынешние основные объекты культурного туризма — например, «величественный вызолоченный истукан такой величины, что шестеро японцев могут усесться по их обычаю на его ладони, а между плечами пятнадцать аршинов расстояния (по-видимому, имеется в виду статуя Большого Будды — Л.Е.). В другом храме изобразили его беспредельное могущество, усадя по бокам его 33.333 малых богов (храм Сандзю-сангэндо в Киото — Л.Е.)».

Далее назовем три обширных сочинения, переводы которых появились в России в конце XVIII века, это «Географическое описание Азии, с присовокуплением к главным местам оныя политической и естественной истории г-на аббата де ла Кроа». М., 1789, а также «Китайские, японские, сиамские, тонквинские и пр. анекдоты, в которых наипаче описываются нравы, поведения, обычаи и религии сих различных азийских народов». М., 1791, и «Всемирный путешественник, или познание Старого и Нового Света, то есть

описание всех по сие время известных земель в четырех частях света, содержащее каждая страны краткую историю, положение... <...> изданное господином аббатом де ла Порт, том шестой» — это популярнейшее многотомное издание впервые печаталось с 1778 по 1794 г.

Как и во многих других изданиях того времени, переводчик «Всемирного путешественника» понимал свою задачу широко и цитировал кстати известные ему российские работы на ту же тему — скажем, того же И. Рейхеля. Вообще, чем ближе к XIX веку, тем подробнее делаются российские компиляции о Японии — помимо схожих с вышеописанными детальными описаниями религии и обычаев здесь можно увидеть и множество иных подробностей — например, о понятии скверны у японцев, об их медицине — травах, иглокалывании, о традиционных видах лечения некоторых болезней, особенно любопытных, не принятых в Европе — например, пеленание больного при ветряной оспе в красное сукно (с.154). Из текста в текст переходят рассуждения о трудолюбии японцев: «Япония, находясь в стране, не весьма одаренной благами, была бы, может быть, самая бедная земля в Азии, ежели бы трудолюбие жителей не награждало бесплодности грунта. Всегда настоящая нужда заставила их выдумать тысячи средств, неизвестных другим народам» (Всемирный путешественник, с.166).

Вообще, рубеж XVIII-XIX вв. богат разными описаниями путешествий, а начало XIX уже представляет и российских путешественников — таковы записки Григория Шелехова³⁰, записки Головнина и Рикорда, а также Лаксмана³¹, сопровождавшего капитана Кодаю в Японию. Последние документы также интересны — прежде всего по непосредственности описываемого опыта, но все же Японию этим авторам, из-за запретов и строгостей периода Токугава, удалось повидать довольно мало.

К концу XVIII века в России уже накапливается и значительное количество материала по японскому языку и грамматике — во многом благодаря так называемым *хёрюмин* — японским морякам и рыбакам, чьи корабли терпели крушение у восточных берегов России, и прежде всего Дайкокуя Кодаю. Тема ранних словарей и грамматик выходит за рамки настоящей работы, кроме того, существуют подробные работы специалистов³², посвященные этому кругу проблем. Отметим здесь только привлекающий

всеобщее внимание знаменитый Словарь Пьера-Симона Палласа, ученого Российской Академии Наук, «Сравнительные словари всех языков и наречий» (С.-Петербург, 1787-1789, 1791). Этот Словарь, безусловно, знаменует идею «всемирности» человека, единства мировой истории и гуманитарного подхода к человеку: культуры и языки оказываются сопоставимы и сопологаемы. В Словаре наблюдается несколько типов организации слов (276 языков): по темам — например, дается слово Бог, и к нему все мыслимые параллели из других языков, в том числе из японского — «Фодогэ» (Хотокэ, Будда), из курильского (айнского) — Кана, Камуи и т.д. Или же другой вид организации слов, фонетический (?): дается слово «Ди», к нему приписываются его значения в разных языках — например, по-кельтски («дай»), по-тангутски («он»), по-бретански («там») и т.п. Японское слово камо («дикая утка») — по-пампангски (один из филиппинских языков) значит «Вы» и т.п.

Из текстов самого начала XIX века мы далее хотели бы сказать об одном, который представляется нам чрезвычайно примечательным. Однако пожалуй, его тематика и место действие экзотичны не только для русской литературы этого периода, но и для литературы японской. Речь пойдет о неизвестной романтической повести «Остров Шамуршир», напечатанной в журнале «Аглая» за 1810 г.³³ Речь в ней идет о любви русского морского офицера Малинского и юной «курилки» Варьми.

Курилами в ту пору называли живущих на Курильских островах айнов. Впервые в печати этнографические сведения о них появились, по-видимому, в «Описании земли Камчатки» С.П. Крашенинникова³⁴, изданном Академией Наук в 1755 г., где он, в частности, писал: «Все вообще [дикие народы Камчатки и островов] житием гнусны, нравами грубы, язычники не знающие Бога и не имеющие никаких писем... Курилы говорят тихо, плавно, свободно и приятно. Слова в языке их посредственны, гласных и согласных в них умеренно; но и самой народ всех диких народов добронравнее, осторожнее, правдивее, постояннее, обходительнее и честлюбивее.» Первая, критическая часть этого описания, собственно, представляет собой общее место в случае описания всех нехристианизированных народов. Далее приводится более индивидуальная характеристика племени, возможно, она и вдохновила автора произведения, о котором пойдет речь ниже.

С.Крашенинников был замечательный ученый и путешественник, в отличие от него анонимный автор повести явно был прежде всего литератором, причем вполне определенного направления в русской литературе. И хотя повесть, быть может, и не имеет высокой художественной ценности, она представляет несомненный интерес с точки зрения российской литературной истории, поскольку явно принадлежит к числу произведений русского сентиментализма, некоторыми авторами именуемого предромантизмом. Это направление в литературе, пришедшее с Запада, пережило в России период бурного расцвета и очень быстро закончилось как направление, хотя его тенденции и сами по себе энергии и возможности «литературной чувствительности», которые были заключены в нем, не исчерпаны, разумеется, и поныне. Эта специфическая «чувствительность» сентиментализма означала не только способность чувствовать, это еще и способность сострадать, способность к восприимчивости и отзывчивости. В литературе сентиментализма «чувствительности» обычно сопутствует «энтузиазм», «мечтательность», «скука», «меланхолия», «сочувствие».

В русской литературе самым известным произведением этого направления является «Бедная Лиза» (издана в 1792 г.). Помимо чувствительности в этой повести важной идеей было, что «и крестьянки любить умеют». Идея эта восходила к руссоистской мечте о возвращении к природе, о поисках утраченной гармонии, которая может быть обретена в среде людей, не испорченных современной цивилизацией. Отсюда и образ «благородного дикаря», носителя абсолютных нравственных ценностей.

В России этот образ также скоро приобрел популярность, — в конце XVIII в. в русской периодике печатались многочисленные переводы о «благородных диках». Писатели направления сентиментализма с живым интересом и сочувствием читали западные повести этого характера: например, пьесу Р.Кемберленда «The West Indian» (1777), где речь идет о коренном обитателе Америки. Неоднократно переводился и переиздавался в России роман А.-Ф. Прево д'Экзиля «Английский философ, или история Кливленда» («Le philosophe anglais, ou l'Histoire de Monsieur Cléveland», 1731-1739). Популярным стал также европейский сюжет, связанный с историей любви индианки Ярико к англичанину Инклу, вероломно продавшему ее в рабство³⁵.

В повести рассказывается о том, как к Курильскому берегу пристало русское судно, и офицер Малинский, бывший на нем пассажиром и путешествовавший из любопытства, внезапно занемог. Однако корабль должен был плыть дальше по неотложным торговым делам, и товарищам пришлось, проливая слезы, оставить его на берегу. «Какая минута! Остаться в неизвестности судьбы своей, между народами незнакомыми, которые, может быть, отвергают всякое чувство сострадания; которые, может быть, самую добродетель признают в образе тиранства, самого Бога в образе злодеяния! — Мучительная неизвестность! кто может изобразить тебя!»

Однако Малинского подобрала добросердечная курильская семья — муж Джизи, жена Гульми и молодая дочь Варьми, они выходили и полюбили Малинского. Когда об этом узнали другие обитатели острова, они нагрянули в дом семьи, приютившей Малинского, чтобы убить его. Оказывается, ранее здесь произошла такая история: к берегу пристал голландский корабль, моряки сошли на берег, похитили нескольких курильцев и увезли их.

Отец Варьми убеждает соплеменников (в тех же высокопарных словах, что в уже приведенной цитате) пожалеть русского, друга курильцев и «подданного великого царя». Пришедших удается уговорить («вот действие красноречивой добродетели над жестоким заблуждением!»), и потом, встречаясь с Малинским, курильцы радовались тому, что не убили такого доброго человека, и вообще, благодаря ему, смягчились по отношению к европейцам.

В конце концов, к острову пристало русское судно, «Малинский объяснился с капитаном корабля и был принят на оной с сердечным удовольствием своих добрых соотечественников». Варьми «ангельским голосом с видом робости» говорит ему, что согласна ехать с ним. Следует драматическая сцена расставания с родителями.

«Сей анекдот», — заключает петербургский автор повести, скрывшийся под псевдонимом М.М-в, - «был рассказан мне одним из морских офицеров, бывших в Российско-Американской компании; он сам был на острове Шамуршире, где имя Малинского у всех жителей еще не забыто; но он не застал живыми Джизи и Гульми; быть может, что вечная разлука с дочерью была причиною преждевременной их смерти. Проезжая Т*** Губернию,

знакомец мой видел Малинского, восхищался образом его жизни, его Варьми, самим им и его детьми!»

Таким образом, фабула повести «Остров Шамуршир» как любовная история в духе сентиментализма вполне характерна для XVIII-начала XIX века и может быть прослежена в разных литературах Европы, — нечто отдаленно похожее, но без «дикарского» колорита, воспроизведет потом даже Пушкин в «Станционном смотрителе».

Характерно и примечательно отсутствие в повести описаний природы — как известно, в литературе этого направления если природа вообще описывалась, то без единой реальной приметы, даже если произведение в целом было посвящено путешествиям: «чувствования» автора или персонажа в связи с природой и ее состоянием ставились выше природы как таковой, и пейзажные описания служили лишь для того, чтобы выразить настроение персонажа.

Не случайно эта повесть о любви юной айнки и русского напечатана в журнале «Аглая», издателем которого был князь Петр Иванович Шаликов (1768-1852), поэт и журналист, предмет пародий и насмешек (под прозвищами «Вздыхалов», «Кондитер литературы», «Князь вралей»): «с собачкой, с посохом, с лорнеткой, и миртовой от мошек веткой, на шее с розовым платком, в кармане с парой мадригалов», — так изображен Шаликов в изображении князя Вяземского.

Обычно в трудах по истории русской литературы XVIII века Шаликова приводят в пример как ярко выраженного эпигона сентиментализма. Однако в последнее время раздаются и голоса в его защиту. Кстати говоря, Пушкин, вероятно, относился к нему со снисходительностью, называя его «поэтом прекрасного пола», сам же Шаликов был восторженным почитателем Пушкина.

В последнее время деятельность князя П.И. Шаликова получает поддержку и с неожиданной стороны — в сфере так называемых гендерных исследований: Ю.Жукова в своей статье пишет о том, как она «была поражена насыщенностью русских журналов первой четверти XIX века материалами, связанными с женской тематикой, количеством профеминистских идей, высказываемых, в том числе, на страницах журнала «Аглая», издаваемого в

1810-1812 гг. в Москве князем П.И. Шаликовым, которого, вопреки сложившемуся отношению к нему как к литератору третьего ряда и консервативному человеку, чья верность сентиментализму и женской теме на протяжении всей жизни объяснялась “природной чувственностью” грузина, по личным убеждениям мы могли бы назвать одним из первых русских феминистов»³⁶.

Итак, первое (и пока, по всей вероятности, единственное) в русском литературе произведение, в котором действуют айны, было напечатано в 1810 г. в журнале сентименталистского и, говоря современным языком, феминистского характера.

Любопытно еще и одно внелитературное обстоятельство, связанное с этой повестью, — это явный намек на соперничество России и Голландии вокруг «курильской проблемы». Приведем в связи с этим цитату из журнала «Друг Просвещения» за 1804 г., статья «О первом российском посольстве в Японию под начальством Лаксмана»: «Лаксман во время пребывания в Нимуровской гавани [имеется в виду порт Нэмуру], также выведал тайно у свиты Эддовских чиновников, что Японцы от Голландцев давно уже имеют некоторое сведение о Российском народе; но что Голландцы им всегда описывали народ сей зверским и неприязненно со всеми попадающими ему поступающим...»³⁷

Начало XIX века было также ознаменовано посольством в Японию Николая Резанова на судне И.Крузенштерна и довольно беглыми крузенштерновскими записями³⁸ о его кругосветном путешествии.

В 1817 г. выходит любопытная книга «О Японии и японской торговле», написанная Синдзо — японским моряком, потерпевшим вместе с капитаном Дайкокуя Кодаю кораблекрушение у российских берегов. Он осел в России, преподавал в Иркутске японский язык, при крещении получил имя Николай Петрович Колотыгин и впоследствии дослужился до чина титулярного советника. Его книга написана основательно и подробно. Как и многие предыдущие издания такого рода, она носит энциклопедический характер. При этом нет сомнений, что она представляет собой комбинацию из переводов, пересказов и собственных рассуждений. Главы ее составляют перечень всевозможных сведений о стране, открытие японцев европейцами, климат,

«нравственный характер», религия, наука, обряды, торговые отношения японцев с китайцами, корейцами и голландцами, история ранних контактов между Россией и Японией.³⁹

Надо сказать, что христиане-миссионеры XVI века описаны в книге довольно критично, Япония же с самого начала традиционно описывается как «древняя могущественная империя, которая никогда не была побеждена каким-либо соседствующим народом. С древнейших времен упорствовала она влиянию Европейцев, удалила их, и дозволила наконец только одному народу из них, под унижительными, рабскими условиями, приезжать к японским берегам для торговли. Империя сия не столь могущественна обширностию своею и пространными владениями, как внутреннею силою»⁴⁰.

Однако и японцы удостоиваются не только похвалы: так, в рассуждении о наименованиях Японии этот автор, «природный Японец Николай Колотыгин», видимо, вслед за западным хронистом пишет следующее: «Япония называется у жителей ея Нифон или Гифон, также Ниппон, у Китайцев Циппон или Сьяппон, а во внутренности Японии Эпуен или Эпвен. Сверх того имеет она еще другие аллегорические и символические наименования, основанные на известной гордости полупросвещенных народов, возвышающихся в воображении, при ограниченных своих познаниях, над всеми другими»⁴¹.

Описания Колотыгина подробны и детальны — и в том, что касается географии, климата, типа хозяйствования, и в том, что касается религий и верований - здесь рассказывается и о синто, и о буддизме. «Духовные сочинения их писаны таким высоким и темным слогом, что японские жрецы, люди, не весьма ученые, едва ли их понимают», - считает автор. Однако, говорит он далее, все описанные им церемониальные ходы и поклонения солнцу и звездам не дают основания заключить, что Япония погружена во мрак суеверия и невежества. Потому что существует в Японии «секта Зьюдо», основатель которой Коози или Конфуций. «Презирая суеверие черни, поклонение многим божествам, великолепие храмов, пустые церемонии и тому подобное, преподает она правила чистой нравственности и позволяет исследовать всякую истину. Она составляет род философической религии, подобной учению Сократа, Платона, Сенеки и других мудрецов древности»⁴². Однако эта секта, по словам Колотыгина, подвергается гонениям,

подозреваемая в сочувствии христианству, поэтому “Бизенский или Инабский князь”, ее поддерживавший, был смещен и вынужден отказаться от правления.

Далее подробно характеризуется «нравственный характер» японцев, который описывается в книге в самых лестных выражениях. «Японцы — просвещеннейший и образованнейший народ во всей Азии, чувство собственного достоинства придает им характер благородный и гордый. Деятельны и трудолюбивы, но уважают веселье и шутки. Здоровы и имеют крепкое сложение, ибо ведут порядочную жизнь и наблюдают во всем чистоту. Монархам и начальникам преданы, между собою учтивы, вообще добры, справедливы и честны». Для объективности здесь названы и «главнейшие пороки и недостатки» японского народа — «мщение и жестокость, происходящие от политического их состояния, гордость, причиняемая мнением, что они суть потомки богов, склонность их к сластолюбию, которая однакож оправдывается климатом и между тем ограниченнее, нежели у других юго-западных народов, а особливо у китайцев, и наконец — великое суеверие, поддерживаемое и питаемое их религией и жрецами⁴³.

В книге говорится о многом — вплоть до традиционной медицины — «накалывание золотую иглою и жжение какой-то шерстью», подробно перечисляются взаимные выгоды и возможная структура товарообмена — рассуждения о товарах, «которые Россиянами могли бы быть в Японию ввозимы и из оной вывозимы».

Сочинение заканчивается пророчеством: «Когда в сей восточной части Российской империи приумножится народонаселение, распространится просвещение, заведутся фабрики и мануфактуры, и когда Российская Северо-Американская Компания придет в состояние более действовать на отдаленный восток Азии, тогда торговля и мореплавание процветут на берегах Сибири; тогда без сомнения наступит время, в которое Российские корабли будут привозить Японцам произведения тропических стран Азии»⁴⁴.

В первой трети XIX века публикаций разного рода, связанных с Японией, довольно много, и многое останется за рамками статьи. Назовем еще некоторые важные источники — главным образом, переводы и компиляции того времени, помещенные в журналах:

- Описание народов, обитающих в Европе, Азии, Африке и Америке...

В 4 частях, Спб., 1812.

- Суждение о вере японского государя. Восточные известия, 1814, № 4.
- Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара... Ч.1-2, Спб., 1816-1818.
- Отрывки из записок капитана Головнина, Сын отечества, 1816, № 17.
- Путешествие в Японию. Исторический, статистический и географический журнал. 1820, № 12.
- Путешествие по Японии дон Родрига де Вивера и Веласка, испанского генерал-губернатора Филиппинских островов. Санкт-Петербургские ведомости, 1830, № 94, 95, 98, 99, 102, 103, 108 и 109.
- Журнал Министерства Народного Просвещения: выпуски 1835 г.
- Н.Горлов «История Японии, или Япония в настоящем виде», в двух частях, М., 1835 г.
- От-ко. Еще об истории Японии. Северная пчела, 1835, № 120 и 121.
- Науки и искусства. Япония. в: Библиотека для чтения, март 1835, т.Х, отд.Ш
- Путешествие вокруг света, составленное из путешествий и открытий Магеллана, Тасмана... Крузенштерна, Беллинсгаузена... и пр. Изд. под руководством Дюмон-Дюрвиля... Спб., 1836.

Многие из кратких источников этого времени здесь не названы, из названных интерес представляют тоже многие, — отметим здесь только одну из вышеназванных публикаций — «Путешествие по Японии дон Родрига де Вивера и Веласка, испанского генерал-губернатора Филиппинских островов». Знаменательно предисловие к переводу, гласящее: «В ожидании известий, которые обещал сообщить нам счастливо возвратившийся из плена в Японии немецкий ученый-путешественник Зибольд⁴⁵ о сей сокровенной для Европы стране мы представляем здесь следующее, написанное за 222 года донесение о Японии. Оно оставалось в продолжение столетий заброшенным в библиотеке Эскуриала, пока в 1823 Ученый, переведший оное на Французский язык, не получил от отца-библиотекаря неизвестную до того времени книгу вместе с оригинальной рукописью самого сочинителя. При большом недостатке сведений о Японии при неизменчивости отношений в сей стране, вследствие которой внутреннее оной состояние, вероятно, пребывает и теперь точно

таким же, каким его описывает Дон Родриго, можно предполагать, что сообщение сего донесения не будет неприятно нашим читателям».

Здесь примечательно и предположение, что за два столетия в Японии ничего не изменилось, и нескрываема жажда сведений о Японии в российском обществе. (Речь идет о путешествии, предпринятом испанским губернатором Филиппин, на галлионе с большим грузом — товарами, которые генерал-губернатор вез в Испанию. Его судно, подхваченное бурей, долго носилось по волнам, и в конце концов было прибито к японским берегам. Описания испанца почти все выдержаны в превосходных тонах и рисуют изобильную, опрятную, необычную для иностранца, но упорядоченную и приветливую страну).

Следующий объект нашего описания — пространная книга Н.Горлова «История Японии, или Япония в настоящем виде»⁴⁶. Горлов, как он сам пишет, долгое время служил в самых восточных губерниях России, по-видимому, особенно интересовался Японией и стремился уточнить и исправить данные, содержащиеся у Кемпфера и Рейхеля, поскольку в них он находил много ошибок: «Иностранные писатели представляют сие государство в величественном виде, силе и богатстве, окруженным неприступностию от природы со всех сторон, с прибавлением чудесного, тогда как и по наружности не могли они с верностью означить на картах положения его; провинции именованы такими названиями, которых вовсе не существует <...> писали по слухам, а потому и неверно».

Неверным этот сын XIX века находит у своих предшественников многое, даже чересчур. Он пишет, что португальцы присвоили себе первенство в христианизации Японии, но о христианстве японцы впервые узнали от китайцев, — с этим отчасти можно согласиться. Но далее доверие к здравому смыслу иногда подводит гиперкритично настроенного Н.Горлова: так, он называет ряд сведений Кемпфера, Рейхеля и Миллера «сказками». «И таковыми-то изданиями иностранцы нас одолжают!» — пишет он. Однако многое из того, что, как он считает, «рассудку противно», все же существовало на самом деле — например, он высмеивает сообщение о том, что японские женщины ныряют в море до 60 сажень глубины, чтобы потом приготовить пищу из ядовитых трав — однако, видимо, имеются в виду правдивые

сведения о ныряльщицах *ама*, добывающих на морском дне водоросли. Почти близко к правде и то, что «японские дамы, чтобы показать свою красоту полнотою, надевают до 50 пар платья на себя вдруг», - с той поправкой, что делалось это скорее ради тепла, и платьев все-таки было не 50, а 12, но и 12 тоже могли ошеломить европейца.

Рационализм века побуждает его давать так называемые научные объяснения разным загадочным фактам — например, он объясняет, что крыши японских дворцов вовсе не из ковачого золота, а крашены под золотой цвет и покрыты лаком, и т.п.

Для Горлова Япония — страна гораздо меньшей площади и протяженности, чем об этом писали — всего 1800 верст, в ней слабые гарнизоны, пушек вовсе нет, в городах и даже в Столицах все строения деревянные, а не кирпичные и т.п. «Из сего краткого изложения видно, какой слабый состав имеет сие Государство, при всем своем от природы данном богатстве, и правительство, чувствуя оное, старается всемерно быть в безвестности от Европейцев, а из сего следует, что с сим Государством следует иметь сношения требовательные и настойчивые, никогда не входить на судах в Порт Нангазаки [Нагасаки], а сноситься в других портах, потому что расположение первого такое, что вошедший корабль в невозможности выйти, сими средствами можно дойти и получить от Японского правительства все желаемое; но как сделанное описание объяснит более, то сим и прекращаю»⁴⁷.

Подробная монография Н.Горлова повествует об истории Японии, начиная с древнейших времен, о религиях, музыке, живописи, воспитании детей, законоуложениях, типографиях и многом другом.

Разумеется, он излагает свои сведения не по оригиналу, а скорее всего, по не очень точным французским переводам с голландских оригиналов Исаака Титсинга (1744-1812).

Древняя история рассказывается им по летописям, причем явно через позднесредневековые изложения, видимо, отчасти на основе старокорейских и китайских источников. Надо сказать, что при такой тройной перекодировке имен императоров их становится трудно опознать в его тексте даже специалисту, переводившему на русский язык как раз эти самые периоды древних хроник. Однако охарактеризован кратко каждый правитель, начиная с

доисторических и легендарных.

Подробным образом описаны города, в частности, «Ямасирской губернии», то есть нынешней префектуры Киото, различные уезды, ремесла и различные производства по местностям.

Вообще Титсинг к тому времени становится, как видно, одним из главных авторитетов для российских авторов, пишущих о Японии, поскольку он-то знал Японию не понаслышке. Поэтому, видимо, Горлов считает, что имеет дело с более достоверными источниками, чем его предшественники.

Титсинг трижды становился директором Голландской Ост-Индской Компании в Дэсима между 1779 и 1784 гг. Это он первым из функционеров этой Компании заинтересовался японскими науками и искусствами, во всяком случае, это он опубликовал первую подробную информацию о японском искусстве в Европе и привез туда свою коллекцию. Титсинг планировал подготовить обширные публикации японских карт, печатных изданий, произведений изобразительного искусства, а также книг, с которых был частично сделан довольно вольный перевод на голландский — он записал его под диктовку пятерых переводчиков на острове Дэсима. Его планы не были выполнены полностью, но частично он все-таки опубликовал эти материалы⁴⁸. Скажем, кстати, что Титсинг, возможно, был первым масоном, прибывшим в Японию.

Географические сведения в книге Горлова, как и у Титсинга, даются с удивительной детализацией, хотя понять, какой топоним имеется в виду, тоже часто невозможно — транскрипция Горлова не только не имеет практически никакого сходства с японскими оригиналами, но и в своей ошибочной системе она непоследовательна и потому не опознаваема.

Здесь тоже, как и у Колотыгина, дается классификация японских религий «по сектам» с выделением того же конфуцианства, которое здесь именуется не «Зьюдод», как у Колотыгина, но «Сиудо».

Из «холодности к вере», которую Горлов замечает у японцев, он делает неожиданный вывод, видя у них «...недостаток твердого основания религии, расстроенной введениями иноземными; они исполняют обряды, но более для виду; и потому нет народу склоннее к принятию Христианства, как Японцы, они имеют острое понятие, и весьма способны делать различие; если бы не

властолюбие и виды Куба [то есть сёгуна], то к настоящему времени все государство могло быть уже обращенным; потому что всякий понимал разность и правильность религии Христианской, от существующей в Государстве»⁴⁹

В книге Горлова тоже, разумеется, не обходится без рассуждения на тему «Свойства и нравы народные»: «Качества хорошие: Японцы остроумны, понятнее всех восточных народов, прилежны, трудолюбивы, терпеливы, любят новые познания, науки, скромны и приятнее в обхождении китайцев, малым довольны, воздержны, воины не страшные, но отважнее китайцев. Качества противные: горды, мстительны до крайности, в войне бесчеловечны... , не имеют любви к ближнему и милосердия к бедным и несчастным, хитры к получению интереса, равнодушны к религии и весьма склонны к самоубийству».

И, наконец, заключить свой беглый обзор я хочу очерком «Япония», в 1835 г. опубликованном в журнале «Библиотека для чтения».

В предисловии к этой публикации говорится, в качестве оправдания ее напечатания, что о Японии, этом обширном, сильном и образованном государстве давно уже не представлялось случая сказать что-либо нового и достоверного.

Напечатанный очерк основан на двух новейших для того времени голландских сочинениях — Мейлана и Фишера, соответственно 1830 и 1833 г. издания. Там говорится, что природа в Японии богата, и «наша скромная репа достигает там полутора пудов веса», что «цветы сливы размером со столбчатую розу», что «34 млн. японцев живут там под деспотизмом строгого закона», не допускающего ни внешних, ни внутренних войн. С другой стороны, указывается, что тот же фактор сдерживает развитие Японии.

Японцы, говорится далее, не признают себя потомками выходцев из Китая и ведут собственную родословную, которая гораздо древнее китайской. Там приводится легенда о Дзёфуку и императоре Цинь Ши-хуанди — впервые в России она была изложена в книге Спафария еще в XVII веке — эта легенда о происхождении японцев, как представляется, была гораздо популярней в Европе, чем в самой Японии.

Как и в книге Н.Горлова, пересказываются японские летописи — «Нихон

сёки» VIII века и позднесредневековая «Сан оококу дзурансэцу»⁵⁰ («Общее обозрение трех стран»), опубликованная в Эдо (современный Токио) в 1786 г., рассказывает об императоре дайри и сёгуне (Кубо-сама), о синтоизме, буддизме и веротерпимости японцев.

«Характер японцев именно таков, какой должно предполагать в народе, роскошно наделенном всеми потребностями жизни и уединенном от прочих обитателей земного шара своими установлениями»⁵¹. «Если турок возьмется снести саблюю голову верблюду, то японский рубака сразу пересечет вам человека»⁵².

То есть здесь мы также имеем дело с рассказом об экзотическом, богатом и роскошном крае, с сильными героями, склонностями к наукам и ремеслам, непонятными обычаями и т.д.

В конце 30-х-начале 40-х гг. XIX века немецкий натуралист Филипп Зибольд, работавший в должности врача при голландской миссии с 1823-го по 1829 г., стал новым авторитетом в области Японии для Европы. Русские переводы не замедлили появиться — причем в самых разных изданиях — от «Журнала для воспитанников военно-учебных заведений» (1838 и 1840 гг.) до более фундаментальных.

Своего рода итогом этой деятельности по «разглядыванию издалека», по освоению западных и своих источников о Японии, по формулированию вопросов о ней и поискам ответов стал трехтомный труд «Путешествие по Японии», иное название этой книги — «Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношениях, Ф.Зибольда, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарльвуа, графа Гогендорпа, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др.» В переводе В.М. Строева это издание в трех толстых томах с картами, гравюрами и таблицами вышло в Санкт-Петербурге в 1854 г. Издание энциклопедическое по характеру, живое по типу изложения, оно содержит и множество вставок от переводчика (вернее было бы сказать — компилятора или автора аналитического реферата). Оно охватывает все мыслимые аспекты японской истории, культуры, географии, хозяйства, быта и так далее. Об этой книге мы собираемся говорить отдельно, преимущественно в связи с японской словесностью, - с середины XIX века российские авторы и

читатели начинают все больше интересоваться японской литературой и оценивать ее достоинства и специфику — сначала по переводам, по аналогиям, по «общечеловеческому» здравому смыслу. ...

Примечания

- 1 Л.М. Ермакова. Русские знакомятся с японцами. О Японии, или Япан-острове. — Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. Серия «Библиотека японской литературы». Спб., Северо-Запад, 2000;
Л.М. Ермакова. Описания Японии в старописьменной русской культуре XVII века. — Acta Slavica Iaponica. Tomus XVIII, 2001. Sapporo, Japan.
- 2 Об этом периоде см., например, нашу работу: ロシア／ソ連における日本文学の輪郭 — 19世紀末期からエリセーエフまで 『神戸外大論叢』 第50巻 第3号 1999年 1-16頁.
- 3 А.И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. Спб., 1903, с. V.
- 4 Варениусу принадлежит и очень известная в свое время компиляция «Описание Японии» (Varenius Bernardus. Descriptio regni Japoniae cum quibusdam affinis, materiae... ex variis auctoribus collectae et in ordinem redactae per B.V. Amstelodami, 1649).
- 5 «География или краткое земного круга описание, напечатано повелением Царского Величества в типографии Москвы, лета господня 1710 в месяце марте». с.59. Вероятно, это тоже перевод, но ни оригинал, ни переводчик не указаны.
- 6 Бернарда Варения Всеобщая география, пересмотренная Исаком Невтоном и дополненная Яковом Журейном. Переведена с латинского языка на российской и в некоторых местах присовокуплены примечания. Перевел П.Б. Иноходцев. Ч.1, Спб., Академия наук, 1718. Название на титульном листе: География генеральная, Небесный и земноводный круги купно с их свойства и действо в трех книгах описующая. Переведена с латинска языка на российской и напечатана в Москве повелением царскаго пресветлаго Величества лета Господня 1718 в иуне. Имеется также что-то вроде подписи: «Бернардус Варениуш, медицины доктор, лета господня 1640-го в августе». Возможно, оригиналом послужило следующее издание: Varenius Bernardus. Bernhardi Vareni Med. D.Geographia generalis, in qua affectiones generales telluris explicantur, summâ curâ quam plurimis in locis emendata, & XXXIII schematibus novis... aucta & illustrata. Ab Isaaco Newton.: pp.511. Ex officina Joann. Hayes; sumptibus Henrici Dickinson: Cantabrigiae, 1672. Не исключены и более ранние издания.
- 7 Там же, лист 60.
- 8 Там же, лист 364.
- 9 «Описание о Японе, содержащее всего три части, то есть: известие о Японе и о вине гонения на христиан, история о гонении христиан в Японе последование странствия Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено. Спб., 1734. Переведено через Степана Коровина — Синбиренина». Вскоре после этого издания книга была переиздана. Привожу названия первых изданий, с которых производились переводы на другие европейские языки, в свою очередь послужившие оригиналами для русских переводов: Beschrijvinghe van het machtigh Coninckrijcke Japan, vervattende den aert en eygenschappen van't landt, manieren der volckeren (vermeerdert door Hendrick Hagenauer), etc. [With "Beschrijvinghe van de Regeeringe, macht, religie... des Coninghrijcx Siam. Gestelt in den iare 1636, door loost Schouten."] Title [Another edition.] Title [Another edition.] Rechte Beschryvinge van het machtigh Koninghrijck von Iappan, bestaende in verscheyde Vragen... voorgesteld door den Heer Philips Lucas... ende door de [sic] Heer F.Caron... beantwoort... Welcke nu door den selven autheur oversien, vermeerdert en uytgelaten is

- de fabuleuse aenteekeningen van Hendrick Hagenaer... Met kopere figueren verrijckt. [With "Beschryvinghe van de Regheringhe, macht, religie... des Konighrijcks Siam: gestelt... door Ioost Schouten."] [With a map.]. pp.78.. pp.78. J.Hartgers: Amsterdam, 1649. 4o.. pp.78. J.Hartgers: Amstelredam, 1652. 4o.. pp.96. I.Tongerloo: 's Gravenhage, 1662. 4o. ...
- 10 В «Краткой Истории о Японском государстве» И.Рейхеля, о которой подробнее рассказано ниже, приводится как несостоятельная существовавшая до Рейхеля точка зрения, что Птолемей подразумевал Японию, когда говорил о «Сатирических Островах» (Рейхель, с.4-5).
 - 11 Гоя — имеется в виду Гоа, город на западном побережье Индии, где в XVI веке находился штаб католических миссионеров, действующих в Ост-Индии.
 - 12 О нем см., например, Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6., т.26-29. Спб, б.г./1900/, с.267
 - 13 И.Г. Рейхель. Краткая история о Японском государстве, из достоверных известий собранная. М., 1773. Подпись Рейхеля в конце гласит: «Императорского Московского Университета публичный и ординарный профессор Истории, оного Библиотекарь, Секретарь Конференции и Лейпцигских свободных наук общества Член».
 - 14 Г.Л. Кессельбреннер. Хроника одной дипломатической карьеры. (Дипломат-востоковед С.Л. Лашкарев и его время). М., 1987, с.29-30. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить И.Л. Багратиони-Мухранскую и Е.В.Маевского, обративших мое внимание на этот фрагмент книги.
 - 15 Рейхель, цит. соч., с.9.
 - 16 Труд Энгельберта Кемпфера (1651-1716), изданный по-голландски в 1712 г., был довольно рано переведен на английский: *The History of Japan. ... Together with a description of the Kingdom of Siam. Written in High-Dutch by E.K., ... and translated from his original manuscript... by J.G. Scheuchzer. ... With the life of the author, and an introduction. L.P.. 2 vol. London, 1727.* С английского перевода был сделан французский: *Histoire naturelle, civile, et ecclésiastique de l'Empire du Japon, composée en Allemand par E.K. ... et traduite en François sur la version Angloise de J.G. Scheuchzer... [by J.Néaulme]. Ouvrage enrichi de... figures dessinées par l'auteur même. (Vie de l'auteur par le traducteur Anglois. Discours préliminaire du traducteur Anglois.) 2 tom. La Haye, 1729. fol.. 3 tom. Amsterdam, 1732. 12o.*
 - 17 Рейхель, цит. соч., с.66-67.
 - 18 Там же, с.227.
 - 19 Там же. с.118.
 - 20 Там же, с.232-233.
 - 21 О состоянии Азии и новейших пременах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последнее время. Из аббата Милота перевел с французского на российский язык Иван Иконников. Спб, 1784. С какого оригинала переводилась книга, установить не удалось. Возможно, это была публикация в журнале или альманахе.
 - 22 Там же., с.34.
 - 23 Там же, с.24.
 - 24 Там же; с.33. Под крестом, видимо, имеется в виду буддийская свастика.
 - 25 Лекарство от скуки и забот. Еженедельное издание. Часть первая, от июля 1786 по январь 1787 г.
 - 26 Кратчайшее описание городам, доходам и протчему китайского государства, а при том и всем государствам, кои Китайцам ведомы. Выбранное из Китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на Китайском языке при нынешнем Хане Кян Луне секретарем Леонтием. В Санкт-Петербурге 1778 г. С.306-307.
 - 27 Белевы путешествия через Россию в разныя Азиатския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Перевел с французскаго Михайло Попов. Санкт-Петербург, Академия Наук, 1776, с.53-54.

- 28 Журнал «Ежемесячные сочинения», т. X. М., 1759 г.
- 29 Автор книги — Г.Г. (Громов Г.Г.) В Санкт-Петербурге, 1797 года.
- 30 Российского купца Григория Шелехова странствие в 1783 г. из Охотска по Восточному океану... Спб., 1812.
- 31 См., например:
- «О первом российском посольстве в Японию под начальством Лаксмана». -Друг просвещения, 1804, ч.4, № 12. М., 1805.
 - Василий Головин. Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском Государстве и народе. Спб., 1816.
 - Петр Рикорд. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах, и о сношениях с японцами. Спб., 1816.
 - Ф.Шемелин. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под высочайшим его Императорского Величества покровительством Российско-Американской Компании главным концессионером, московским купцом Федором Шемелиным. Ч.1-2, Спб., 1816-1818. Подробнее об этих и других контактах между русскими и японцами см., например: С. Знаменский. В поисках Японии: из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Благовещенск; 1929;
 - Файнберг Э. Я., Русско-японские отношения в 1697-1875 гг., М., 1960; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988; К.Е. Черевко. Зарождение русско-японских отношений XVII-XIX века. Москва: «Наука», 1999.
- 32 См., например: Бондаренко И.П. Русско-японские языковые взаимосвязи XVIII века: историко-лингвистическое исследование. Одесса: АстроПринт, 2000, 395р.
- 33 Аглая, издаваемая Князем П. Шаликовым. М., 1810.
- 34 Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором.
- Интересно, что второе издание книги 1786 г., согласно данным работы Б.Л. Модзалевского (Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. -СПб., 1910), имелось и у Пушкина — по-видимому, в связи с его предполагавшейся поездкой в Китай, в конце концов не состоявшейся.
- 35 см. Н.Д.Кочеткова. Литература русского сентиментализма. Спб, 1994, с.47.
- 36 Жукова Ю. Об инструменте для написания «Женской истории». — Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции. ПЦГИ. Спб., 1996, с.303.
- 37 О первом российском посольстве в Японию под начальством Лаксмана. Друг просвещения, 1804, ч.4, №12. М., 1805, с.254.
- 38 Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах. ... на кораблях Надежде и Неве... Спб., 1810.
- 39 О Японии и япо/нской торговле или новейшее Историческо-Географическое описание Японских островов. Разсмотренное природным Японцем Титулярным советником Николаем Колотыгиным и изданное Иваном Миллером. Санкт-Петербург, в типографии Н.Греча. 1817.
- 40 Там же, с.3.
- 41 Там же, с.5.
- 42 Там же, с.44-45.
- 43 Там же, с.50-51.
- 44 Там же, с.71.
- 45 Выдержки из сочинений Зибольда и других западных авторов см. также: Записки европейских путешественников. -Книга японских обыкновений. Сер. Восточные арабески. Сост. А.Н.

- Мещеряков. М., Наталис, 1999, с.319-348..
- 46 Н.Горлов. История Японии, или Япония в настоящем виде, в двух частях, М., 1835 г.
- 47 Там же, с. VI-VII.
- 48 Cérémonies usitées au Japon pour les mariages et les funérailles, suivies de détails sur la poudre Dosia, de la préface d'un livre de Confoutzée sur la piété filiale; le tout traduit du japonais par feu M.Titsingh. Paris, 1819. Mémoire. et anecdotes sur la Dynastie régnante des Djogouns, Souverains du Japon, avec la description des fêtes et cérémonies observées aux différentes époques de l'année à la cour de ces princes, et un appendice contenant des détails sur la poésie des Japonais, leur manière de diviser l'année, etc: ouvrage orné de planches grave. Paris: Chez A.Nepveu, 1820.
- Последнее издание переведено с голландского, голландский же перевод, в свою очередь, был сделан с японского анонимного произведения «Сёгун руцудэн». Перевел на французский Жан-Пьер Абель Ремюза.
- Illustrations of Japan, consisting of private memoirs and anecdotes of the reigning Dynasty of the Djogouns, or Sovereigns of Japan; a description of the feasts and ceremonies observed throughout the year at their court, etc. Translated from the French by F.Shobel: with coloured plates, copied from Japanese designs. R.Ackermann: London, 1822.
- Nipon O Dai Itsi Ran, ou, Annales des empereurs du Japon/Shunsai Hayashi; tr. par Isaac Titsingh, Ouvrage revu, complète et corrigé sur l'original Japonais-Chinois; Accompagné de notes, et précédé d'un aperçu de l'histoire mythologique du Japon, par J. Klaproth.. : [s.n.], 1834.
- 49 Там же, с.121.
- 50 San Kokf Tsou Ran To Sets, ou; Aperçu général des trois royaumes.; Tr. de l'original japonais-chinois, par J.Klaproth. Par. : Murray, 1832.
- 51 Науки и искусства. Япония. : Библиотека для чтения, март 1835, т.X, отд.III, с.11.
- 52 Там же, с.13.